

Яна Тарьянова

**ВЕЛЕСОВА НОЧЬ,
ИЛИ ПОГЛАДЬ
МОЕГО МЕДВЕДЯ**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Т19

Тарьянова Я.

Т19 Велесова ночь, или Погладь моего медведя / Яна Тарьянова – М.: Литнет, 2025.
– 190 с.

ISBN 978-5-521-93576-5

Волхв Златослав Борисович Мещерский работает в Зернодарском городском округе: управляет погодой, благословляет соль, смешивает чай из трав и ягод, творит чудеса на праздниках. Он живет в доме на холме с защитником-медведем Степаном, духом Велеса, неподалеку от станции растениеводства, скрытой «пряжами Мокоши» — хищными растениями, поглотившими часть мира после гнева богов.. Размеренные будни нарушаются приездом делегации из Лапландского Королевства. Златослав — как и прочие представители власти — готовится к встрече, не догадываясь, что поезд привезет на станцию его любовь и семейное счастье.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93576-5

© Литнет, 2025
© Я. Тарьянова, 2025

Пролог

Октябрьское солнце припекало спину. Златослав осторожно утер пот со лба – длинные волосы, собранные пучком на макушке, грозили развалиться, а мытье головы перед вечерним совещанием в горисполкоме не входило в его планы.

Он окинул взглядом придорожный газон, испытал искушение оставить последние куски не прополотыми, и тут же его подавил. Велесовы праздники – время даров волхвам. Горожане и жители окрестных станиц будут нести ему картошку, яйца, свеклу и закатки, отдавая за благословление соли – летние запасы оскудели, каждый старался положить свежий мешок в кладовку на зиму. Благословение на Велесовой площади не пользовалось популярностью. Люди избегали казенных ритуалов, считая, что возложение рук возле дома волхва более надежно, чем покупка уже освященного мешка. Златослав предрассудки не развеивал, даже поощрял – подношения позволяли тратить зарплату на другие нужды – и приводил дом, двор и придорожные насаждения в порядок, чтобы не давать повода шепоткам. Посмотрят на бурьян, начнут шептаться, что это злая метка Мокоши, и потом ни бурачка, ни алычового варенья не дождешься, придется в универсаме банки покупать.

Он методично выдергивал сорняки, добываясь чистой земли вокруг кустов огненных астр и мелких хризантем. Старательно проредил траву вокруг сирени, одарившей осенним цветением – это было весьма кстати, как и повторное цветение каштанов. Будут говорить, что Мокошь простерла длань над городом и округом, принаряжая его к празднику любимого супруга.

Златослав посмотрел на кучу вырванной зелени на асфальте, за три приема сбросил ее в придорожную канаву и приступил к прополке последнего участка. Здесь была обычная трава, которую жители косили на корм курам и кроликам. Златослав себе такого действия

позволить не мог – волхвы не касались ни серпов, ни кос, считавшихся оружием Морены. Пришлось становиться на четвереньки и быстро выдергивать пучки травы из влажной земли – он призвал легкий дождь вчера вечером, воспользовавшись своим даром.

«Птица Гамаюн прилетела, принесла какую-то депешу».

Голос его защитника прозвучал в голове, и, одновременно, как бы возле уха. Златослав кивнул, зная, что медведь поймет его без лишних слов, сломил с сирени несколько веток и смел остатки бурьяна и травы в канаву. На этом моменте заколка щелкнула, волосы рассыпались, и пришлось увязывать их в пучок грязными руками.

«Расчесшу хорошенько перед выходом, – подумал он. – Не пропости – и ладно. А если какая травинка и останется, можно соврать, что это дар Мокоши. И пусть кто-то попробует сказать, что это не так».

Он успел принять душ, смывая с себя пот и прилипший мусор, оттереть колени жесткой мочалкой и поставить на плиту кастрюлю с борщом – меньше половины, варил во вторник, а сегодня пятница, надо перекипятить. Медвежье ворчание раздалось рядом с сиренью – не усидел возле здания горисполкома, прибежал проконтролировать уборку. Степан придирчиво осмотрел кусты с астрами, ковырнул лапой пропущенный пучок травы и выразил одобрение: «Хорошо. Чисто».

Медведь был куда более ревностным блюстителем традиций, чем Златослав, и частенько заставлял делать то, на что можно было забить. Но, попробуй, забей, когда тебе в голове нудят: «Возле дерева Перуна бурьян вырос, иди, прорви. Прорви!». И никакие отговорки, что в общественных местах бурьян пропалывают работники городского благоустройства, на Степу не действовали. Нудил, пока не прорвешь.

«Пойдем, – защитник возник на пороге. – Депешу отнесли в кабинет председателя горисполкома. Он вызвал директора гостиницы и начальника железнодорожной станции. Все забежали. Надо потопиться, а то мы пропустим что-нибудь интересное».

– Ну и сидел бы в исполкоме, – огрызнулся Златослав, обнаруживший огромное бурое пятно на светлой парадной накидке. – Мог бы что-то подслушать.

Пришлось брать красное одеяние, подаренное жителями станицы Васильковской. Мелкие голубые васильки на алом фоне выглядели как россыпь букашек, но выбирать было не из чего – светлое не стирано, а в теплом плаще Златослав бы упарился. Такого жаркого октября не было очень давно, если верить архивам метеорологов, похожий температурный подъем регистрировали сорок семь лет назад. И лето было знойным и засушливым, Златослав к августу уже еле-еле дождь призывал – небеса сопротивлялись. В сентябре чуточку попустило, а сейчас опять.

И если бы только жара! Полудницы распоясались, выходили с полей, пытались пробраться в дома. Степа, чуявший их за десятки километров, метался по Зернодарскому городскому округу, потрескивая сухими молниями, и прилегающий станицы вниманием не обделял. Сам Златослав без всякой магии навешал тумачов охамевшему полуденнику, возникшему возле городского фонтана в Перунов день, а когда тот развеялся, потребовал от жрецов Сварога приостановить жатву. Сердце предвещало беду, и ныло не зря – оказалось, что на полях проросла стальная повилика. Два комбайна потеряли, комбайнеров всех успели спасти. До утра решали, что делать, звонили в Москву, а поутру повилика исчезла, как и не было. Воистину дурное лето. Может быть, Мокошь гневалась. А, может, козни Морены – у нее прислуги хоть отбавляй. В любое время года.

Златослав посмотрел на себя в зеркало. Волосы собраны в высокий хвост, легкие брюки чисты, рубашка тщательно отутюжена. Обереги болтаются на шее, наручи защелкнуты на запястьях. Красная накидка придала ему официальный вид и он, свистнув Степану, схватил отчет о проделанной работе и сбежал с крыльца – надо было поторопиться, чтобы не заработать выговор за опоздание.

Марина окликнула его, когда он садился в машину.

– Вечером зайдешь?

– Не знаю, – честно ответил Златослав. – В исполком депешу доставили. Если какой-то приказ из Москвы и объявят чрезвычайное положение – не зайду.

Глава 1. Златослав. Совещание

В кабинете председателя горисполкома былолюдно. Жрец Крышения, доставивший депешу, тихо переговаривался с начальником железнодорожной станции. Главврач городской больницы – статная Дочь Мокоши в темном платье, белом переднике и апостольнике – чихвостила директора гостиницы.

– По тебе санэпидстанция плачет! Прикрываешься столовой на первом этаже, а сам тараканов развел на радость окрестным кикиморам и травить не собираешься! Когда тебе последний раз штраф выписывали? Месяц назад? Хочешь сказать, что-то изменилось?

– Петровна, но столовка тоже... – подал голос гвардии Перуна полковник Ломакин. – Как ветром оттуда рыбную вонь принесет, закаленные десантники в части в обморок падают. Давно пора закрыть этот рассадник отравляющих веществ. Предлагаю приравнять общепитовскую еду к бактериологическому оружию и уничтожить согласно Конвенции Чистого Времени.

– Ишь, какие неженки! – встрепенулся боевой архивариус Семенов. – Воняет им! А где мы обедать будем? Ты же к себе в часть непустишь!

– Тихо! – хлопнул ладонью по столу председатель горисполкома Глеб Митрофанович. – Будем решать задачи по мере поступления. Златослав Борисович, присаживайтесь. Степу оставьте в приемной, пожалуйста, и без него тесно. Ввожу вас в курс дела. Вы же историю города изучали? Помните, что у Зернодара до Победы Велеса и Мокоши был город-побратим в Лапландии?

Златослав потер обросший щетиной подбородок, не отвечая ничего определенного.

«Город-побратим? В музее, вроде бы, никакого стенда на эту тему нет».

«Обломки скульптуры возле штаба реконструкторов и архивариусов, – напомнил Степан. – Каменные шары. Разбитая птица».

«Точно! – спохватился Златослав. – Говорили, что ее вынесли со станции растениеводства, перед тем как здание и участки с деревьями заплело «волосами» и свинцовым व्यюнком».

– Вспомнили, Златослав Борисович? – от взгляда жреца Сварога мало что укроется. – Тогда читайте.

Глеб Митрофанович передал ему письмо.

Златослав пробежал взглядом по строчкам.

«Для укрепления дружественных связей с лапландским народом... в связи с имеющимися документально подтвержденными связями между городами... при наличии разрешения Штаба боевых реконструкторов и архивариусов... обеспечить сопровождение и осмотр объекта... прием, размещение и проживание...»

– То есть, они на станцию растениеводства проникнуть хотят? – уточнил он у Глеба Митрофановича, дочитав письмо. – Но ей присвоен класс опасности «А». Если не трогать – व्यюнком за периметр не вылезает. Если пытаться пройти через центральный вход или перелезть через ограду, можно огрести такие последствия, что нас гвардейцы из Москвы спасать будут. Если успеют доехать. Я им, – он махнул рукой в сторону Семенова. – Уже сто раз это говорил.

– Не пустим мы их на станцию, – успокоил его Глеб Митрофанович. – Я позвонил в Москву, получил разъяснения. Они там, у себя, разморозили архив. У нас все «волосами Мокоши» заплетено, а у них льдом сковано. Вековым. Оттаивают потихоньку. Так же, как мы здания и землю очищаем. Лапландцы нашли несколько папок, провели исследования, обнаружили в пригороде ранее неучтенную теплицу. Тоже замороженную, но внутри живые деревья просматриваются. Она на термальном источнике построена, видимо, пробивается к корням водичка, греет. В теплице яблони из нашей станции растениеводства. Сажены им отправляли незадолго до Победы Велеса. Наша-то Яблоня Мокоши тоже со станции. Уникум!

Все дружно и одобрительно загомонили.

– Вот лапландцы и хотят погулять у нас по городу, на священное дерево взглянуть, на празднике побывать, заговоренную соль в костер бросить. Надеются, что озарение снизойдет и наша Яблоня откроет им путь в теплицу.

– На Велесову ночь кто хочет, то и приходит, – пожал плечами Златослав. – Яблок на всех хватает. От заговоренной соли склад ломится, может быть, удастся им несколько мешков с собой впихнуть, чтобы под навесами не каменела. Если на станцию растениеводства не полезут, то я к гостям с дорогой душой. Прослежу, чтобы Степа им не докучал.

– Принято, – кивнул Глеб Митрофанович. – Рассчитываю на ваше содействие. Теперь вернемся к вопросу размещения делегации. Точное количество гостей неизвестно. От пяти до двенадцати. Как выяснилось, в гостинице подавляющее большинство номеров не соответствуют санитарно-гигиеническим требованиям.

– Четверых точно могу разместить. Если бы вчера потолок не обвалился...

– О состоянии вверенного вам объекта мы поговорим отдельно, – пообещал директору гостиницы Глеб Митрофанович. – Что будем делать, товарищи?

– Что-что? – фыркнула Петровна. – По домам разбирать. Я одну комнату в квартире выделить могу.

– У меня отремонтированная времянка. И в доме комната найдется. Спрошу у жены, сколько гостей мы сможем поселить, – сказал полковник Ломакин.

– Тоже поговорю с женой, – повеселел Глеб Митрофанович. – Кто еще готов проявить гостеприимство?

– Я не могу, – на всякий случай напомнил Златослав. – Так-то место у меня есть, но вы же знаете...

Собравшиеся наградили его сочувственными взглядами. Петровна вздохнула, потрепала его по плечу и сказала:

– Занимайся своими делами, Славик. На день Сварога праздник был – закачаешься, теперь с Велесовой Ночью не подведи. А лапландцев мы уж как-нибудь расселим.

Семенов проявил щедрость души и предложил поселить кого-нибудь из иностранцев в их общежитии. Петровна начала кричать, внимание благополучно переключилось на бытовую неопрятность и пониженную моральную ответственность боевых архивариусов и реконструкторов. Златослав услышал ворчание Степы и ответил мысленным ругательством.

В его дом – не личный, казенный, принадлежащий Обители – не мог войти никто. Все продуктовые сделки по благословению соли и отъему припасов у населения совершались во дворе. Смешивание, развешивание и фасовка оздоровительного чая – или под навесом или во времянке. Степан ревностно охранял дом, и этим поставил крест на личной жизни Златослава – ну и на кое-каких карьерных устремлениях тоже.

Спутницу жизни волхвам посылал Велес. Без божьего одобрения защитник ни одной девице порог переступить не позволял. Рычал, загромождал вход, пока волхв не встретит свою половинку. Степан поначалу только девиц отпугивал, а когда Златослав начал с ним спорить, упрекая в придирчивости, ответил тем, что устроил на крылечке заставу и не подпускал к двери вообще никого. Через три года такой жизни Златослав озверел и поехал в Обитель к своему наставнику. Пожаловаться, попросить посмотреть на медведя внимательнее – не может быть, чтобы ему никто из зернодарских девиц не подходил. Это Степа вредничает!

– Глупости, – отмахнулся наставник, мельком посмотрев на Степу. – Ты слишком торопишься. Три года – не срок. Тебе только двадцать шесть, молодой еще. Велес тебя с половинкой столкнет, неженатых волхвов не бывает. Верь ему, он знает, что делает.

Златослав понадеялся, что последняя фраза относится к Велесу, а не к Степе, отработал пять дней на сортировке трав перед просуш-